Митрополит Иларион: Храмы – это культурное достояние всего народа

4 мая 2019 года в передаче «Церковь и мир», выходящей на канале «Россия-24» по субботам и воскресеньям, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы ведущей телеканала Екатерины Грачевой.

Е. Грачева: Здравствуйте! Это программа «Церковь и мир», в которой мы беседуем с председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополитом Волоколамским Иларионом о событиях в России и в мире. Владыка, здравствуйте!

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Екатерина! Здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Е. Грачева: Владыка, пока все мировые СМИ обсуждали исход президентских выборов на Украине, почти незаметной прошла очень важная для Церкви тема, а именно: представители сразу нескольких Церквей – Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Кипрской заявили о защите верующих и храмов на Украине. Как наша церковная дипломатия работала в этом направлении? Имеет ли она к этому отношение?

Митрополит Иларион: Думаю, наша церковная дипломатия имеет к этому отношение, потому что весь прошлый год я лично посещал глав Церквей (некоторых неоднократно), чтобы разъяснить, что происходит на Украине. Но каждая Поместная Церковь выражает свое мнение свободно, не под каким-то давлением.

Несмотря на то, что Константинопольский Патриарх пытался заручиться поддержкой Поместных Православных Церквей в тех деяниях, которые он совершил на "украинском фронте", он этой поддержки не получил. Четыре Поместные Церкви, из них три представляют собой древние Патриархаты – Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, а четвертая Церковь – это древняя Кипрская Церковь, – обсудили ситуацию на Украине, и согласились с тем, что Архиепископ Кипрский будет в ближайшие месяцы выступать с инициативами, направленными на то, чтобы урегулировать ситуацию. Какие именно инициативы предлагаются, мы не знаем. Я не уверен, что и сами участники встречи знали. Но определенно можно сказать, что Кипрская Церковь сейчас желает выступить в роли примирителя.

Думаю, что это очень интересный и по-своему новый расклад. Патриарх Константинопольский не сделал ничего, чтобы достичь взаимопонимания между Антиохийской и Иерусалимской Церквами, а Кипрский Архиепископ сделал. Поэтому мы можем надеяться на то, что эта инициатива будет иметь продолжение. Очень важно, что все эти четыре Церкви однозначно осудили происходящее беззаконие: захваты храмов, насильственные действия, которые предпринимают раскольники по отношению к верующим Украинской Православной Церкви.

Е. Грачева: То есть совсем скоро мы можем услышать такой термин как «кипрские соглашения»? Есть минские переговоры. Будут кипрские.

Митрополит Иларион: Я не могу этого исключить, потому что Кипрский Архиепископ выступил с такой инициативой. Три Церкви уже поддержали ее. Я думаю, что другие Церкви тоже ее поддержат. Нужна какая-то площадка для переговоров, хотя бы временный центр координации между Православными Церквами. Нельзя исключить, что по согласию Церквей таким центром станет Кипр и Кипрская Церковь.

Е. Грачева: Владыка, в Париже произошла страшная трагедия для всей Пятой республики. Был частично утрачен главный символ Франции – собор Парижской Богоматери. Вы много лет прожили в Европе. Есть ли у Вас какие-то личные воспоминания, связанные с этим собором?

Митрополит Иларион: Самое сильное мое воспоминание, связанное с этим собором, – это визит приснопамятного Святейшего Патриарха Алексия II во Францию и его присутствие на богослужении в этом соборе. Как известно, в этом соборе хранится одна из главных христианских святынь – терновый венец Спасителя. Он выносится для поклонения верующим достаточно редко, но по случаю приезда Патриарха Алексия эта святыня была вынесена, и Его Святейшество имел возможность ей поклониться.

Конечно, если говорить о пожаре в Нотр-Даме, то я думаю, что многие разделяют слова, которые произнес наш президент, который сказал, что мы все со слезами наблюдали за тем, что происходило. И когда собор возгорелся, многие прильнули к экранам телевизоров и ждали, чем же это все закончится. Потому что, конечно, утрата такой святыни всего христианского мира, своего рода символа французского народа – собора, который пережил и Французскую революцию, и многие другие бедствия, – была бы невосполнимой. К счастью, древняя конструкция собора сохранилась, и здание подлежит восстановлению. Уже собрано, насколько известно, более миллиарда евро на восстановление этого собора. Очень многие сразу же откликнулись, в том числе состоятельные люди. Я думаю, что собор будет восстановлен.

Основные святыни и основные художественные произведения, которые находились внутри собора, насколько можно судить по пока еще предварительным оценкам, не пострадали. Но, конечно, реальный объем ущерба может быть оценен только после того, как там будут проведены соответствующие исследования, и это займет много месяцев.

Е. Грачева: Для восстановления собора также необходимы и уникальные специалисты. Россия выступила с предложением предоставить Франции таких специалистов. Париж – не чужой город для русской культуры, заявил Владимир Мединский. Обещают отправить «самых лучших звездных специалистов» для реставрации. В этой связи была неоднозначная оценка и обсуждение в интернете. Многие сразу стали выкладывать фотографии наших российских заброшенных уникальных памятников архитектуры. Разделяете ли Вы мнение скептиков о том, что нужно сначала навести порядок с культурным наследием у себя дома, а потом помогать Франции?

Митрополит Иларион: Думаю, одно другому не мешает. Россия достаточно богатая страна, чтобы и своим собственным культурным наследием заниматься, и помогать тем, кто находится в беде. Но судя по тому, как быстро стали откликаться на беду в Париже люди с разных континентов и из разных стран, можно предположить, что будет собрано достаточно средств для того, чтобы восстановить Нотр-Дам.

Если говорить о наших храмах, то буквально на последнем заседании Высшего Церковного Совета мы обсуждали эту тему. И митрополит Псковский и Порховский Тихон представил картину, которая свидетельствует о том, что около 4500 российских храмов находятся в аварийном или в руинированном состоянии. В аварийном состоянии – это храмы, где совершаются богослужения, но есть риск утраты этих храмов, например, там весьма существенные конструктивные дефекты, требуется реставрация фундамента, реставрация стен, крыши и так далее. А руинированные – это храмы, которые в основном находятся вдали от населенных пунктов, где когда-то были деревни, а сейчас их уже нет, и эти храмы в руинах. Хотя есть и в городах, и в населенных пунктах такие храмы, которые стоят в руинах.

Московский архитектурный институт разработал программу, позволяющую в сжатые сроки полностью диагностировать состояние храмового здания и создать компьютерный макет его восстановления, по которому затем будут работать реставраторы. Задача по восстановлению и консервации этих тысяч храмов до сих пор стоит перед Церковью, перед государством. И даже в Москве есть храмы, которые до сих пор не восстановлены и находятся в аварийном состоянии – те, которые только недавно были возвращены Церкви и требуют очень серьезной реставрации.

Е. Грачева: С чем Вы связываете то, что русские люди с относительно невысоким по европейским меркам доходом, готовы помогать восстановлению Нотр-Дама, но при этом зачастую равнодушны

к тем памятникам, заброшенным храмам, которые находятся в их населенном пункте?

Митрополит Иларион: Не думаю, что у нас есть такие люди, которые готовы помогать Нотр-Даму, но при этом забывают о храме в своем собственном родном селе. Как правило, люди, готовые помогать там, помогают и тут. Я знаю состоятельных людей, которые вложили немалые средства в то, чтобы, например, восстановить или заново построить храм в своем родном селе. А теперь этот же бизнесмен помогает многим другим храмам и, может быть, кто-то из таких бизнесменов откликнулся и на беду в Париже.

Но восстановление храмов остается актуальным. Мы знаем, что очень много храмов восстановлено. Тридцать лет назад в Русской Православной Церкви было 6 тысяч храмов, а сейчас – более 40 тысяч. Это значит, что мы более тысячи храмов ежегодно восстанавливали или строили заново. Но на территории России остается немало храмов, которые требуют экстренных мер для их спасения.

Е. Грачева: Ну а если происходят несчастья, как с Нотр-Дамом, когда в результате пожаров уникальные храмы уже не удается спасти. Например, вспомнить храм Успения XVIII века в Кондопоге. По статистике с 1985 года по 2018 год в России сгорело 45 таких уникальных памятников архитектуры. Кто сейчас финансирует системы пожарной безопасности в храмах, которые отнесены к памятникам архитектуры? На Ваш взгляд, кто должен курировать эти системы? Достаточно ли активно ведется эта работа?

Митрополит Иларион: Как правило, если храм находится в собственности Церкви, приходская община несет ответственность за его противопожарную безопасность. В то же время, в отношении охраняемых государством памятников архитектуры, особенно деревянных храмов, которые могут в случае нападения злоумышленника вспыхнуть, как спичка, и сгореть за считанные минуты, должно быть проявлено особое внимание со стороны соответствующих государственных надзорных органов.

Но одни объекты более подвержены риску возгорания, а другие - менее. И древние деревянные храмы, конечно, должны быть защищены особым образом. Я не слышал о том, чтобы после пожара в Успенской церкви XVIII века в Кондопоге были приняты какие-то новые меры для защиты подобных храмов от возгорания и от того, чтобы мы их навсегда потеряли. Мне хотелось бы верить, что такие меры будут в самом скором времени разработаны. Мы не должны забывать, что храмы – это не только достояние Церкви, это и культурное достояние всего народа.

Е. Грачева: Пожар в Нотр-Даме оказался удобным поводом поговорить на неудобную тему мигрантов в Европе и мигрантов в Париже в частности, которые заполонили этот город. И многие

российские блогеры написали: «Собор сгорел от стыда, видя, как поменялся культурный код французской столицы». Кто-то написал резче, что «сегодняшний Париж, его обитатели, Нотр-Дам не заслуживают». Когда Вы, владыка, были последний раз во Франции? И Ваше личное мнение, смогли ли власти Пятой республики вписать мигрантов в культурный код столицы или эта задача им не удалась?

Митрополит Иларион: Я был в Париже в начале декабря прошлого года, когда там очень активно действовали так называемые желтые жилеты. Многие улицы были перекрыты. Где-то происходили демонстрации. Но эти демонстрации не были связаны с темой мигрантов. Они были связаны с другой тематикой – с ростом цен, с повышением налогов.

Если говорить о так называемой интеграции переселенцев из стран третьего мира в общество страны, куда они приехали, то, конечно, такая интеграция в большинстве случаев не наблюдается. Очень многие люди, приезжая из своих стран, продолжают жить во Франции так, как они жили в собственной стране. Мигранты создают своего рода гетто, целые кварталы населяются такими переселенцами из других стран. Когда ты попадаешь в подобный квартал, кажется, что находишься не в Париже, а в Алжире или в какой-либо бывшей колонии Франции, откуда в основном и прибывают иммигранты в эту страну, поскольку они говорят на французском языке. Ну а те, которые не владеют французским, учатся говорить на этом языке, когда уже прибывают во Францию.

Но культурное перекодирование не удается. Это, конечно, создает очень серьезные проблемы, а потому миграционная политика не должна быть неразборчивой. Она должна учитывать культурный код населения страны и не подвергать риску сохранение этого культурного кода. Об этом сейчас очень много спорят в Европе. Слишком либеральное миграционное законодательство приводит к изменению демографических балансов и в перспективе может привести к очень серьезным внутренним конфликтам.

*Во второй части передачи митрополит Иларион ответил вопросы телезрителей, поступившие на **сайт** программы «Церковь и мир».*

Вопрос: Какие требования предъявляются к тем, кто временно отпал от Православия, для совершения над ними чина присоединения, и почему люди во время этого чина стоят на коленях? А что если человек не может встать на колени из-за болезни?

Митрополит Иларион: Это напоминает вопрос, который мне недавно задали: а как постригать в монашество человека, если он лысый, если состригать нечего? Я думаю, что если человек не может встать на колени, то это не проблема для того, чтобы прийти в церковь, участвовать в чине

присоединения, участвовать в церковных таинствах. Кто не может встать на колени, пусть не встает. Если человек вообще не может стоять, он может сидеть. Если он не может передвигаться, его в кресле-коляске привозят в храм, и он присутствует на богослужении и участвует в церковных таинствах.

Если же говорить о сути чина присоединения, то этот чин совершается в некоторых храмах над теми, кто ранее был крещен, был членом Церкви, но потом отпал от Церкви и уклонился в различные секты. Таких сект, к сожалению, сейчас очень много (например, секта свидетелей Иеговы, которая выдает себя за христианскую церковь, а на самом деле является сектой, направленной на разрушение человеческой личности, на разрушение семьи и на разрушение психики). И если люди уклоняются в секты и долгое время там пребывают, а потом хотят воссоединиться с Церковью, то они проходят специальный чин воссоединения. В частности, в храме на Большой Ордынке, где я служу, раз в полгода проходит такой чин воссоединения с Церковью. И в разное время от 50 до 100 человек присоединяются к Церкви через этот чин. Во время чина присоединения, действительно, один или два раза верующие встают на колени, но если кто не может встать на колени, это не препятствие для того, чтобы воссоединиться с Церковью.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/46390/